

УДК 78 (09)
ББК 85.31 г
Г 95
В.А. Гуревич

«Короб мыслей» А.Г.Рубинштейна как документ эпохи

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье проведен анализ дневниковых записей выдающегося русского музыканта Антона Григорьевича Рубинштейна. Их отличают не только откровенность и искренность, но и удивительная прозорливость, предчувствие будущих социальных катаклизмов XX века. Автор убеждает в ценности литературного наследия А.Г.Рубинштейна и необходимости учитывать его мысли при изучении истории русской художественной культуры XIX века.

Ключевые слова:

Антон Григорьевич Рубинштейн, композитор, пианист, литературное наследие, дневниковые записи, история русской музыкальной культуры.

Судьба дневниковых записей А.Г.Рубинштейна известна. Они вышли на немецком языке в 1897 году в Лейпциге, затем неоднократно издавались на родине, каждый раз – в усеченном варианте: 1904 – «Мысли и афоризмы», 1906 – «Политика и религия», 1941 – в «Советской музыке» (№2, 32 из 417 записей), 1983 – в трехтомнике «Литературное наследство» (издательство «Музыка»). До последних лет в свет не вышло ни одного полного и аутентичного издания. Почему? Это было в принципе понятно и ранее – и тем, кто не знал полного содержания, но догадывался о нем, и тем, кто знал (создатель двухтомной монографии о жизни и творчестве А.Г.Рубинштейна Л.А.Баренбойм и его окружение). Рубинштейновские откровения не могли устроить ни царскую, ни советскую власти.

Сейчас, наконец, мы может познакомиться с текстом без изъятий и искажений: в 1999 году он был опубликован издательством «Олмапресс» (М.-СПб.). Этому документу эпохи нельзя не поразиться. Что он хотел сказать нам, своим потомкам? Не противоречил ли он самому себе, когда писал, что «выдающиеся люди редко выигрывают при ближайшем знакомстве» (с.168)¹. И почему А.Г.Рубинштейн поступил вопреки собственной установке («я никогда

не высказываю своего мнения, если о таком не спрашивают» (с.170)?

Думается, причин тому несколько. Главная – необходимость зафиксировать то, что нельзя удержать в своей памяти и, возможно, будет полезно знать другим: «Я ведь тоже не хотел бы умереть, не сказав кое-чего человечеству» (с.177)². Высказать не просто мнение, а определить позицию. А вот это А.Г.Рубинштейн считал всегда исключительно важным для творческой личности и для верного понимания её самой. Приведем его более чем откровенные слова на сей счет:

«Чтение биографий и изучение истории (за исключением исторических фактов) покажется лишним и бесполезным, если принять во внимание, сколько заключается преувеличенного, замолченного, прибавленного, искаженного в устных передачах происшествия, хотя бы вчерашнего. И сколько пишется об известных личностях субъективного, злого, слишком снисходительного, осуждающего, восхваляющего, пристрастного, неверного и изобретенного в газетных отчетах (которые впоследствии являются обыкновенными источниками биографий или истории)» (с.35-36).

¹ Все ссылки приводятся по вышеупомянутому изданию: А.Г. Рубинштейн. Короб мыслей. М.-СПб, 1999.

² Напомним, что непосредственным толчком к началу ведения дневника послужила внезапная смерть А.Г.Рубинштейна.

А самое точное обоснование внутренней потребности автора в этих записях запечатлено в их сердцевине. Вот оно:

«Я придерживаюсь того мнения, что каждый человек, будь то мужчина или женщина, достигнув известного возраста, после которого ему, по всей вероятности, остается жить уже недолго, должен оставить после себя письменное изложение всего им пережитого, дать обществу как бы отчет о своей жизни. Жизнь каждого человека, даже самого незначительного, включает в себе много интересного в психологическом, культурном и других отношениях, не говоря уже о жизни человека высокого ответственного положения. Ни один роман не может дать столько интересного и поучительного, как такая исповедь (с.177-178).

Поскольку в рамках небольшой статьи не реально высказать все, что хотелось бы отметить в отношении «Короба мыслей», позволю себе представить на суд читателя, в первую очередь, общий структурно-содержательный его анализ. Почему эти краткие, порой афористичные высказывания следует называть документом эпохи – и никак не меньше?

Судите сами. «Короб мыслей» охватывает примерно двадцать основных тем, относящихся к сферам возвышенного и земного, идеального и реального. Наиболее часто встречающиеся темы:

искусство и социум – 39,

философия – 38,

эстетика – 34,

человек как типологический и психологический феномен – 32,

политика и власть – 29,

быт и нравы – 26,

религия – 24.

Этим семи темам посвящено более половины записей. Лишь на восьмом-девятом местах – собственно композиторское творчество и личность художника (в последнем разделе автор говорит о себе в первом лице) – по 22 высказывания, на десятом (!) – исполнительство (17), с коим соседствуют не всегда лицеприятные слова по поводу женского пола (также 17). 16 фрагментов отданы размышлениям по поводу наций, народов, «толпы», по 14 – любви телесной и небесной, литературе, поэзии и филологии (языкам), а также театру как социальному феномену. В 13 случаях говорится о воспи-

тании и образовании и о проблемах семьи. Меньше чем в десяти – о праве, науке и технике, зарисовках природы, о прессе и прогрессе.

Итак, практически полный «срез» жизни эпохи, запечатленный гениальной личностью, находившейся в центре, в «фокусе» общественного внимания в течение полувека российской и европейской истории.

Что поражает, а порой и потрясает в записях Антона Григорьевича? Осмелюсь сказать, фантастическое, порой до ужаса пронзительное чувство художественного и исторического предвидения. Размышления об искусстве и социуме и, особенно, о политике и власти, в этом плане самые яркие. 18 из 29 фрагментов политического характера далеко превосходят то, что когда-то предложил потомкам Нострадамус. Вот некоторые из них.

Еще в 1871 году, путешествуя по Рейну и Дунаю, А.Г.Рубинштейн отчетливо ощутил за внешним спокойствием близящуюся катастрофу. *«Мне стало ясно, – пишет он, – что здесь еще должна разыгаться страшная трагедия, сюжетом которой будет восточный вопрос, и что европейский мир зависит больше всего от исхода этой трагедии» (с.83).* К середине 1880-х относится выразительная запись на ту же тему: *«Германия обязана своим объединением и нынешним удивительным могуществом отчасти делом нейтралитета России в 1870 году. Доказательством того, что Германия это сознает и видит в России «deus ex machina» политической будущности, является гениальный политический шахматный ход, создавший Тройственный союз (Германия, Австрия и Италия). Но вызванный им Двойственный союз (Россия и Франция) может оказаться матом для Германии» (с.210-211).* В годы, когда о сионизме не было ещё и речи, А.Г.Рубинштейн говорил о необходимости создания в Палестине еврейского государства, подчеркивая: *«Нетерпимая травля маленького народа ... положительно недостойна XIX столетия» (с.84).* Печальный опыт следующего века хорошо известен.

Более всего волновала А.Г.Рубинштейна судьба России. Его дневник полон предчувствиями грядущих катаклизмов. Вот запись начала 1880-х, за четверть века до 1905-го и почти за сорок лет до 1917-го: *«Я думаю, что в непродолжительном времени нам предстоят два*

переворота: один в политической области – война, которая изменит карту Европы; другой в социальной сфере – развитие социализма, который делает сомнительным даже частное владение. Я не так уж привязан к жизни, но тот или другой переворот я хотел бы пережить, ибо убежден, что результатами их будет нечто совершенно новое в области человеческого мышления во всех его областях (и в области искусства) и, вероятно, нечто более интересное, чем то, что нам предъявляется сегодня как новое» (с.98-99). Двумя годами позже: «Мне не жалко того, кто попадает в несчастье по лени, но чувствую самое большое сожаление к тому, кто ищет работы и таковой не находит. А таких теперь становится все больше и больше. Ответственность за них ложится на государство и общество, которые сильно поплатятся, если скоро не найдут радикального средства против этого положения...» (с.121-122). Год 1886: «Правительства напрасно допускают развитие социалистического вопроса снизу вверх. Этот вопрос настолько важен и в своих последствиях настолько непредсказуем, что государства должны, в своем собственном интересе, основательно его изучить и уметь им управлять, если они не желают быть увлечены во всеобщую общественную катастрофу или, по крайней мере, в полный общественный переворот. Хорошо ли это, дурно ли – кто может это окончательно решить теперь?! Во всяком случае, характер этой эволюции – лавинообразный, и едва ли придется долго ожидать её наступления» (с.136-137). В дни столетия взятия Бастилии: «На Французскую революцию 1789 года следует смотреть или как на могилу прошедшего, или как на гимн новой эре. В обоих случаях страшно трагического характер и в обоих случаях неизгладимого значения для человечества» (с.167-168).

Прямые ассоциации с сегодняшней российской действительностью возникают при чтении следующего отрывка из «Короба мыслей»: «Когда я наблюдаю за производством выборов (избрания депутатов и др.), то я прихожу к сознанию, что люди не заслуживают никакой другой формы правления, как только деспотической» (с.194). И далее – о другом – а, по сути, о том же: «Народная масса в гневе подобна стихиям – она ужасна, непобедима, раз-

рушительна, безжалостна и невменяема» (с.211-212).

Глухие раскаты будущих бурь слышались великому музыканту, уверенному в том, что XX столетие не станет в этом отношении исключением и полагавшему, что очередная революция уже фактически началась. Примерно за пятнадцать лет до событий 1905-го он писал: «Как первая (Французская – В.Г.) революция боролась против монархического принципа, церкви и неравенства людей, так нынешняя борется против принципа частной собственности и тяжелого положения работника... Причем, как и при каждой революции, всё это происходит с насилием, с крайностями и грубостью, т.е. реалистически. К чему все это приведет – трудно предугадать. Как после 1793 года появился Наполеон I, так и теперь может явиться полная противоположность стремлениям революции. Но точно так же, как XIX столетие вернулось к принципам XVIII ничуть не благодаря Наполеону, так и реакция XX столетия едва ли будет в состоянии вернуть нас в XIX. Желательно было бы, следовательно, только одно: чтобы XX век был не хуже XIX» (с.270-271). Поразительное предвидение! Хорошо бы его усвоить тем нашим согражданам, которые, ничтоже сумняшеся, пытаются представить российскую трагедию XX века как результат некоего заговора, переворота, нарушившего идиллию «России, которую мы потеряли».

Горькую правду запечатлел на страницах своего дневника А.Г.Рубинштейн в записи, сделанной незадолго до смерти: «Тяжело платится народ, монарх которого следует в политике капризам. Ибо «каждое прегрешение получает возмездие на земле». Поэтому монархи должны в своих политических поступках обращать больше внимания не на настоящее, а на будущее. Но в истории с этим встречаешься очень редко» (с.296). И ещё одна, последняя, но, может быть, самая выразительная цитата – из высказываний тех же закатных лет: «Как ни сильно люблю я мое отечество и мой народ, но могу только выразить пожелание, чтобы оно в предстоящей скоро войне подчинилось, т.е. должно быть побеждено. Потому что следствием этого, вероятно, станет полная перемена нынешней формы правления и тем самым – пробуждение от летаргического сна, в кото-

ром оно до сих пор находится, а также выработка и переделка его характера, его интеллектуальных сил. Даже если с этим будет связано время определенных беспорядков и несчастий. Иными словами – оно может ожидать блестящего будущего. Если же оно, наоборот, окажется победителем в ближайшей войне, то подчинится сегодняшнему status quo на немыслимые времена, т.е. останется народом, состоящим из прекрасно одаренных, но навеки

бессловесных детей» (с.288-289). Что еще можно к этому добавить? Нечего, ибо трудно себе представить большую степень предвидения, полного боли и – несмотря ни на что – веры в бессмертие родного народа и родной страны.

«Короб мыслей» не должен оставаться втуне. Его надлежит сделать обязательным для знания студентами музыкальных вузов России.